

Глава 3. Небо, земля, топор и человек

Старший брат Мо Ханьчи, Чэн Ланьюэ, был великим любителем выпить. Сам он говаривал, что учитель подобрал его где-то в лесной глуши, и с тех пор в нём жила та диковатая и неукротимая натура, что отличает детей гор.

Он ввалился в дом, небрежно закинув Мо Ханьчи на плечо. Когда мальчишку наконец опустили на пол, у него всё ещё плыло перед глазами. Перед лицом мельтешило какое-то ослепительно белое марево, и Ханьчи уже готов был вспылить на этого бесцеремонного старшего брата. Но стоило ему проморгаться, как он понял: белое пятно — это человек.

Мальчик густо покраснел и застыл в нерешительности.

— Ты, должно быть, тот самый младший брат, которого только что привёл учитель? — раздался мягкий, ласкающий слух голос. — Можешь звать меня Фэн Юэ.

Его лицо — чистейший нефрит, сам он — благородный муж, коему нет равных под небесами. Именно так можно было описать этого человека. Фэн Юэ прищурился, а белоснежное одеяние придавало его облику невыразимое благородство и лоск. Ханьчи, ребёнок из захудалой горной деревушки, отродясь не видел существ столь утончённых. Он поспешно опустил голову и, запинаясь, пролепетал:

— При-при... ветствую... вторую старшую сестру...

Фэн Юэ едва заметно нахмурился.

— Вторую старшую сестру? — переспросил он.

Чэн Ланьюэ на мгновение окаменел, а в следующую секунду он, зажав рот ладонью, согнулся пополам от хохота.

Мо Ханьчи опустил голову. «Ну почему я так разволновался? Вторая старшая сестра такая красавица, совсем не чета нашим деревенским замарашкам!»

Фэн Юэ слегка наклонился к нему и приподнял лицо мальчика за подбородок. Ханьчи широко распахнул янтарные глаза, отразив в себе облик собеседника: белые одежды, смоляные пряди волос. С такого расстояния донёлся тонкий, удивительно приятный аромат, отчего щёки ребёнка вспыхнули.

Ханьчи вдруг вспомнил слова матери: если встретишь девушку, которая тебе по душе, сердце забьётся чаще. И если оно затрепещет — значит, ты её полюбил и когда-нибудь обязательно на ней женишься.

— Посмотри-ка повнимательнее, — нахмурившись, произнёс Фэн Юэ, не забыв одарить испепеляющим взглядом бьющегося в истерике Чэн Ланьюэ. — Кто я: брат или сестра?

Ханьчи поднял взгляд и тут только заметил на безупречно белой шее отчётливо выступающий кадык. В одно мгновение мечты о прекрасном будущем рассыпались в прах. Его «бессмертная дева» оказалась мужчиной. Ханьчи едва не расплакался.

— Фэн Юэ, ну ты и злодей! Разбил мальцу сердце прямо на взлёте! — Чэн Ланьюэ трясся от смеха, пытаясь погладить Мо Ханьчи по голове. — Ну-ну, не плачь, мелкий.

Ханьчи яростно оттолкнул его руку. Его первая любовь, не продлившаяся и получаса, закончилась катастрофой. Ну почему этот неземной Фэн Юэ — мужчина?

Мальчик был глубоко подавлен. Впрочем, его дух оказался на редкость стойким, и уже через пару дней эта досадная история вылетела у него из головы.

На Пике Малой Лазурной Волны обитало совсем немного людей, и в ордене Куньлунь этот пик почти не имел веса. Мо Ханьчи грызло разочарование: разве можно научиться чему-то стоящему там, где на тебя смотрят свысока?

Небо ещё не успело посветлеть, а коротышка с повязкой на голове уже усердно стоял в стойке мабу, нанося удар за ударом. На его серьёзном, слегка чумазом лице читалась непоколебимая решимость.

Вдалеке показался силуэт. Сперва Ханьчи невольно залюбовался: человек в белых одеждах шёл к нему, и полы его халата развевались на ветру. Лицо его было подобно безупречному нефриту, а на губах играла лёгкая улыбка. Это был второй старший брат, Фэн Юэ.

Однако, когда тот подошёл ближе, Ханьчи заметил в его руках совершенно не вяжущееся с обликом коромысло.

Фэн Юэ бросил ношу под ноги мальчику.

— Указ учителя: отправляйся вниз и наруби дров.

Ханьчи тут же скорчил жалобную гримасу.

— Я пришёл сюда за знаниями, а не батрачить! — возразил он.

Второй брат резко распахнул до этого полуприкрытые глаза.

— Это приказ учителя. Ты смеешь перечить?

Ханьчи сверкнул янтарными глазами и серьёзно спросил:

— А кто делал это до меня?

— Чэн Ланьюэ, этот болван.

— Младший брат, ну нельзя же так принижать моё достоинство перед новичком! — Голос старшего брата раздался словно из ниоткуда. Серо-белая фигура внезапно возникла прямо перед Ханьчи.

Высокий и статный Чэн Ланьюэ по-хозяйски положил тяжёлую руку на макушку мальчика.

— Старший брат, убери руку! Мама говорила, что если так делать, я перестану расти! — нахмурившись, запротестовал Ханьчи.

— Ишь ты, какой чистоплотный, — усмехнулся Чэн Ланьюэ и принялся ерошить волосы мальчишки, пока те не превратились в форменное воронье гнездо.

— Пусти! Пусти! Второй брат, спаси меня! — Мо Ханьчи юркнул за спину Фэн Юэ.

— Чэн Ланьюэ, на кого ты похож? — строго отчитал его Фэн Юэ. — Шиму велела тебе провести утреннее занятие с младшим, а ты опять дрых на дереве. Если бы не я, так и провалялся бы там до обеда. Совсем забыл о долге старшего?

Стоя за спиной Фэн Юэ, Мо Ханьчи с упоением наблюдал за пристыженным видом старшего брата. Подражая жестам и мимике второго брата, он беззвучно, одними губами, повторял нотации, тыча в Чэн Ланьюэ пальцем.

Старший брат почесал затылок и ослепительно улыбнулся Фэн Юэ:

— Да ладно тебе, не говори Шиму. Я вовсе не спал, я познавал единство Неба и Земли!

— Оправдания, — Фэн Юэ холодно сощурился и внезапно обернулся к Мо Ханьчи.

Тот застыл на полуслове, рука замерла в воздухе, в точности повторяя обличительный жест второго брата. Мо Ханьчи почувствовал, как по спине пробежал холодок, а волосы на загривке встали дыбом.

Чэн Ланьюэ согнулся в три погибели, хлопая себя по колену.

— Мелкий, а у тебя талант! Один в один!

Фэн Юэ помрачнел. Ханьчи, заикаясь, попытался выкрутиться:

— Я... я просто... так восхищаюсь статью второго брата... что решил немного... попрактиковаться... ха-ха...

— Живо. Вниз. Рубить. Дрова, — отчеканил Фэн Юэ.

— Есть! Уже бегу! — Ханьчи подхватил коромысло и пустился наутёк, не дожидаясь, пока ярость брата вырвется наружу.

Мо Ханьчи и представить не мог, что «рубка дров» означает спуск по отвесным лианам через заснеженные пустоши к древнему лесу на задворках Куньлуня.

Замерев на краю у гигантской лозы, соединявшей Пик Малой Лазурной Волны с миром внизу, он почувствовал, как его мечты о полётах на мечях и усмирении демонов тают на глазах. Сейчас он больше напоминал обезьяну, которой предстояло карабкаться по канатам.

Внизу расстилалось бесконечное белое море тумана. «Если сорвусь — костей не соберу», — подумал Ханьчи, и его душа ушла в пятки.

Сцепив зубы, он начал спускаться со скоростью улитки, судорожно вцепившись в лиану. Всё его внимание было приковано к ногам — он панически боялся оступить. В этой сосредоточенности он забыл, что края листьев лианы острые, как зазубрины пилы. Рука скользнула вниз, ладонь полоснуло по зелени, и резкая боль обожгла кожу.

Ханьчи вздрогнул, нога сорвалась в пустоту, равновесие мгновенно исчезло. Пальцы разжались, и мальчик полетел вниз. Ветер со свистом ударил в уши.

— Помогите! Спасите!.. — истошно завопил он.

Внезапно пространство прорезал луч лазурного света. Чэн Ланьюэ, величественно стоя на парящем мече, подхватил его в воздухе.

«А ведь этот оболтус, — подумал Ханьчи, — когда не валяет дурака, выглядит по-настоящему грозно». К страху примешалась капля уважения.

— Чуть не помер, — выдохнул мальчик, хлопая себя по груди. — Думал, всё, конец. У матушки

я единственный сын, дома А-Хуан не кормлен, под кроватью тараканы сиротствуют... Если умру, купите мне гроб из золотого наньму, а в рот положите кусок отборного кровавого яшмового камня. И ещё я люблю фарфор из императорских печей, так что прихватите пару ваз...

— Не горюй, мелкий, если помрёшь — я всё устрою по высшему разряду, — поддакнул Чэн Ланьюэ с напускной грустью.

— Я ведь ещё родителей отблагодарить не успел, — у Ханьчи заблестели глаза. — Старший брат, ты навещай их там, внизу...

— Довольно!

Сверху раздался чистый звук цитры. Фэн Юэ возник на самом кончике огромного листа лианы, едва касаясь его носками сапог.

— Слушать тошно. Где учитель только берёт таких учеников?

— Да я просто шучу, Фэн Юэ, — усмехнулся Чэн Ланьюэ.

— Отпускай его, — холодно бросил второй брат.

— Ладно.

Чэн Ланьюэ разжал руки. С криком «Убийцы!» Ханьчи рухнул вниз.

Крик оборвался быстро: мальчик приземлился на пятую точку, пролетев от силы пару метров. Оказалось, лиана была совсем невысокой, но кто-то наложил иллюзию, заполнив всё пространство густым туманом, чтобы скрыть землю.

Ханьчи вскочил, красный от гнева и стыда.

— Совсем совести нет! Издеваться над младшими при помощи магии! — выкрикнул он в сторону старшего брата.

Чэн Ланьюэ лишь добродушно рассмеялся, подхватил его за шкуру и протащил немного вперёд. Перед Ханьчи открылось невероятное зрелище: гигантские изумрудные лианы, в несколько раз толще прежних, переплетались, поддерживая парящие в облаках скалы. Это была сеть из живых мостов, парящая над бездной. Мальчик замер, поражённый величиим Куньлуня.

— Эти лианы растут тысячи лет, у них есть свой разум. Чем больше ты боишься, тем охотнее они над тобой подшучивают, — Чэн Ланьюэ поставил его на землю. — Дальше сам. Вернись до темноты: в древнем лесу по ночам бродят опасные твари.

Когда старший брат ушёл, Фэн Юэ взглянул на спускающегося брата:

— Ты столько сил тратишь, чтобы приучить его к серьёзности, а он тебя теперь ненавидит. Стоило ли оно того?

— Ты ведь тоже за ним увязался, не так ли? — усмехнулся Чэн Ланьюэ. — Кстати, Монарх Небесной Столицы нашёл плод бодхи, через пару дней доставят.

Фэн Юэ нахмурился, услышав это известие.

Когда Ханьчи наконец ступил на твёрдую землю, руки и ноги казались ему чужими. Он задрал голову: лиана уходила высоко в облака. В груди шевельнулась гордость.

Он вспомнил того мальчишку в красном, которого в первый день забрал Глава ордена. «Наверняка он и вполтину не так крут, как я! Сам спустился по такой верхотуре!» Мысль так его раззадорила, что он не сдержался и выкрикнул в пустоту:

— Этот паршивец точно слабее меня! Глава Даоинь просто ослеп!

Он и не заметил, как за его спиной раздался негромкий смех.

— Ну ты и дурень, раз смеешь поносить Главу ордена.

Ханьчи обернулся. Перед ним стояла стайка детей, предводитель которых, мальчик в синих одеждах, смерил его насмешливым взглядом.

— Я не про Главу, я про Ло Си, этого засранца, — буркнул Ханьчи.

— Он тебе тоже поперёк горла стоит? — спросил синий малец, ведя свою группу в сторону леса.

— А тебе-то что? — Ханьчи прищурился.

— Пока мы тут горбатимся с дровами, этот выскочка на Пике Пронзающем Небеса уже всю изучает магические техники. У учителей на нас и времени нет. Не хочешь проучить его? —

Синий мальчик подошёл ближе. — В тот день он украл твой шанс стать учеником Главы. Неужели смиришься?

Ханьчи знал, что дело было в его посредственных способностях — даже старый учитель с горы Мао говорил нечто подобное. Но надрать уши этому Ло Си ему и впрямь хотелось.

— Ладно, я в деле. Но как нам до него добраться?

Мальчик в синем коварно улыбнулся и зашептал Ханьчи на ухо:

— Скоро ведь будет турнир новичков... Мы сделаем так... и вот эдак...

По лесу разнёсся злорадный смешок Мо Ханьчи.

Договорившись, дети незаметно дошли до опушки. Деревья здесь были странными: их узловатые ветви переплетались, напоминая застывших в агонии демонов. Ханьчи размахнулся и ударил топором по стволу. Лезвие едва оцарапало кору, а на самом топоре появилась зазубрина.

— Что за дрянное дерево! — выругался он.

Он ударил ещё несколько раз, но результат был тот же. Однако кое-чего никто не заметил: каждый удар Ханьчи ложился точно в одну и ту же точку, без малейшего отклонения. Будь рядом мастер меча, он бы признал в мальчике врождённый дар к пути клинка.

Раззадоренный неудачей, Ханьчи начал яростно бить в одно место. И когда в твёрдой, как гранит, древесине наконец показалась глубокая щель, раздался звонкий треск. Топорище переломилось пополам.

— Глупо пытаться взять такое дерево грубой силой, — раздался мелодичный голос.

Ханьчи обернулся. У соседнего ствола стояла девочка в зелёном платье. Она была изящна, а её черты лица казались сошедшими с картины.

— А как тогда? — спросил он.

— Очисти разум, направь дыхание в средоточие, сосредоточь всё своё существо в запястье — и только тогда руби.

Девочка легко взмахнула своим топором, и толстый сук упал к её ногам, срезанный чисто и ровно.

Ханьчи так и замер с открытым ртом, глядя, как эта хрупкая девчушка справляется с деревом, которое ему было не под силу. Она протянула ему свой топор.

«Очистить разум» — значит не думать ни о чём. Ханьчи сжал рукоять.

«Направить дыхание в средоточие». Он закрыл глаза. Теперь он слышал только шелест ветра, хруст снега под ногами и движение воздуха вокруг. Весь мир исчез, осталось лишь вечное Небо, незыблемая Земля и ощущение топора в ладони.

Небо, земля, топор и он сам. Единое целое.

Он резко открыл глаза. Он взмахнул рукой, топор опустился по странной, почти магической траектории. Хруст — и тяжелое полено развалилось надвое.

Ханьчи посмотрел на свои руки, чувствуя, как сердце затапливает чистая радость. Он хотел было поблагодарить незнакомку, но, обернувшись, увидел лишь пустую опушку леса. Девочка исчезла.

<http://bllate.org/book/17550/1708386>